

нологическом порядке; 2) Никита Магистр, автор «Жития Феоктисты», идентичен автору писем. Последнее предположение позволяет установить некоторые факты из жизни Никиты до 919 г.: агрограф сообщает там, что он служил под командованием Имерия (при Льве VI) и участвовал в переговорах с арабами.

Никита происходил из Лариссы (№ 23.7—8). Он был близок к магистру Косме (№ 17) и его брату Сергию (№ 28) — племянникам патриарха Фотия, занимавшим высокие посты при Романе I. «Фотрианские» связи хорошо соответствуют тому месту в интеллектуальной среде, какое занял вельможа — магистр Никита. По всей видимости, он принадлежал к той части византийской провинциальной аристократии, которая поддержала «выскачку» Лакапина.

Письма публикуются с переводом и комментариями. Отмечу два-три спорных места в переводе. № 12.29: *οἰκονομεῖς* Вестеринк переводит: «выполнять обязанности эконома», но по контексту скорее: «заботишься [о павших, тогда как другие бессильны помочь]». № 12.37: *μεσιτεῦσων* — «первый министр»; на самом деле речь идет о том, что Иоанн является посредником или заступником перед василевсом. № 20.9: *τῆ δὲ Ἑλλησπόντου κλίματι* означает не «широты Геллеспонта», а «область Геллеспонта».

Просопографический словарь и удобные индексы завершают издание.

А. К.

R. Maisano. L'Apocalisse apocriфа di Leone di Costantinopoli. Napoli, 1975, 179 p.

Итальянский ученый Р. Маизано критически издал апокрифический апокалипсис Льва Константинопольского, принадлежащий к типу видений Псевдо-Даниила. Текст (с. 67—112) снабжен критическим аппаратом, где указываются источники апокрифа (библейские и небиблейские) и рукописные разночтения; он сопровождается лингвистическим комментарием (с. 121—148), итальянским переводом (с. 149—167) и указателями имен и наиболее примечательных греческих слов (с. 171—177). Во введении Маизано характеризует рукописную традицию (с. 55—63), литературные (с. 25—31) и языковые (с. 43—54) особенности памятника, его историческое содержание (с. 33—41). Суммируя все эти данные, исследователь восстанавливает историю апокрифического апокалипсиса Льва.

Памятник дошел до нас только в поздних списках, древнейший из которых, Ватиканский № 1865, датируется XIV в. Маизано разделяет рукописи на три редакции: *a*, *b* и *c*, что, впрочем, является некоторой натяжкой, так как второй по старшинству манускрипт, Афинский № 2187, XV в., не принадлежит ни к одной из этих редакций (с. 56) и выпадает из стройной схемы. Согласно гипотезе Маизано, история памятника весьма сложна: «первоначальное ядро» охватывало гл. 1—3 и 13—20; затем к нему была прибавлена история Стефана (гл. 4—11) и других мучеников (гл. 12). Так образовалась анонимная редакция *b*, возникшая в начале IX в., при Никифоре I (802—811), в правление которого Псевдо-Даниил ожидает наступление конца света (с. 19 и сл.). В XII в. другой автор переработал текст, прибавив, в частности, гл. 21—30 и введя рассказ о борьбе Еноха и Илии против Антихриста. На двух рукописях этой редакции (*a*) стоит имя Льва Константинопольского, которого Маизано считает автором переработки XII в. Однако он отказывается от идентификации Льва с константинопольским патриархом Львом Стипом (1134—1143), чье имя стоит в надписании в Венецианской рукописи (Marcianus gr. II, 101, XV—XVI вв.), но считает Льва священником в соответствии с Андросской рукописью (Агиа 9, нач. XVI в.) (с. 22 и сл.). Правда, на мой взгляд, возражения против авторства Льва Стипа недостаточно строги. Наконец, еще позднее появилась другая переработка — редакция *c*, основанная исключительно на версии *b* в 20 главах.

Маизано, несомненно, прав, подчеркивая, что апокриф вышел из монашеской среды (с. 23, 40): по мысли Льва (стк. 689—709), монашество — единственный общественный разряд, который после Страшного суда, безусловно, попадет в рай. Но у меня нет уверенности, что первоначальное ядро апокрифа действительно сло-

жилося уже в начале IX в. Исторические аллюзии памятника настолько смещены, что их трудно связать с историческими персонажами так называемого иконоборческого времени. В самом деле, при несомненной иконопочитательской тенденции памятника Ирина (восстановительница иконопочитания!) обрисована с явной неприязнью (стк. 412—417). Ее преемник Константин оказывается не ее сыном, а пришельцем из аравийского города Авситиды (стк. 417—429); он погубил нечестивую царицу, уничтожил идолопоклонство и восстановил церковь и монашество. Дитя, родившееся в царских покоях и названное Архелаем, — малорослое, темнолицее, с разными по величине глазами и густыми волосами (стк. 430—433) — Маизано уверенно идентифицирует с Никифором I и одновременно с его сыном Ставриакием (с. 40), хотя точки соприкосновения крайне условны (во всяком случае, ни тот, ни другой не родились в царских покоях — в отличие, допустим, от багрянородного Мануила I, темнолицего и занявшего престол юношей).

При этом возникает вопрос: как мог анонимный автор, писавший при Никифоре I, широко использовать хронику Феофана (так полагает Маизано — см. с. 34), завершленную уже после смерти Никифора (она доведена до 813 г.)?

Маизано очень остроумно усматривает в редакции *a* отражение полемики против катаров (богомиллов), для которых Енох и Илия были эманациями бога Ветхого завета (с. 20), и на этом основании относит редакцию *a* к XII в. Но мне кажется, что некоторые черты, восходящие к ситуации XII в., могут быть прослежены и в той части апокрифа, которую Маизано считает редакцией *b* и датирует началом IX в. Когда Псевдо-Даниил предсказывает, что «в последние дни» будут воздвигаться города (стк. 19—20, 75), то этому «пророчеству» Маизано (с. 35) тщетно ищет параллель в рассказе Феофана о реконструкции Валентинианова акведука: VIII столетие было временем упадка городской жизни¹, тогда как на XI—XII вв. как раз приходится относительное возрождение городов. Предсказание, что царь будет почитать «племена» и преклоняться перед инородными иноверцами (стк. 75—76), лишь с большой натяжкой может быть отнесено к принятию иконоборческой доктрины (с. 37 и сл.), но отлично сходится с господствовавшей в XII в. оценкой отношения Комнинов к латинянам. Этому должно предшествовать возвышение «руских» (Ἕσσυτοι) народов — эпитет, часто применявшийся к жителям Запада, — которые уничтожат церкви и утвердят «не-квасное» (καριόστιν τὸν ἄζυμον) (стк. 57—59), в чем естественно усматривать намек на споры об опресноках, развернувшиеся в XI—XII вв. Предвещание крещения иноплеменников (стк. 74) навряд ли можно сопоставлять с крещением евреев и монтеизмов при Льве III (с. 37) — только начиная с середины IX в. византийские миссии действуют активно, и еще в XII в. происходит массовое крещение сельджуков. В описании голода в гл. 16 можно усмотреть аллюзию на события 927/8 г., ибо то же выражение: «Некому было хоронить мертвецов» (стк. 447—448), восходящее, впрочем, к Мефодию Патарскому, встречается в хрониках, повествующих о бедствиях этой страшной зимы².

Апокрифический апокалипсис — особый жанр, отличающийся сугубой дeонкpетизацией и туманностью намеков, и Маизано убедительно показывает, как легенда о мученике Стефане, включенная в апокалипсис, лишается «агиографических координат» (с. 26). Исторические факты сплетаются здесь в причудливую смесь: мы встретим царя по имени Авар (стк. 71), который именуется «великим зверем» (стк. 65), в чем можно было бы усмотреть намек на Льва III (θῆριον в византийской образной системе часто «лев»), хотя Маизано (с. 36) отождествляет Авара с Константином V. А наряду с этим — факты, отражающие события более поздних веков.

Отнесение памятника к XII в. согласуется и с именем Льва, Константинопольского патриарха, хотя оно стоит только в одной редакции. Поэтому, может быть, и не следует так усложнять историю апокалипсиса, как это сделал Маизано: воз-

¹ См. об этом в самое последнее время: *Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'Empire byzantin. Paris, 1975, p. 29.*

² См.: *Joannis Scylitzae Synopsis historiarum. Berolini et Novi Eboraci, 1973, p. 225.93.*

можно (хотя и недоказуемо), что он сложился в XII в., был написан Львом Стипом (или приписан ему) и отражал идеологию воинствующего монашества, критически относящегося к церковной иерархии: осуждению епископов в редакции *b* (стк. 45—50), кстати сказать, соответствует в редакции *a* предсказание, что епископы — пьяницы, грабители, безжалостные насильники — будут осуждены последним судом (стк. 679—684). Напротив, к светским властям — василевсам и архонтам — автор апокалипсиса сохраняет почтение и обещает «добрым» правителям, не проливавшим крови, царствие небесное (стк. 667—671). Может быть, это покажется чересчур смелым, но в апокалипсисе Льва Константинопольского мне чудится мировоззрение, прямо противоположное взглядам Евстафия Солунского.

А. К.

Ст. И. Маслев. Проучвания върху някои произведения на Теофилакт Охридски, архиепископ български (1090 — около 1126) («Гръцки извори за българската история», IX, 1). София, 1974, с. 181, илл.

Серия «Греческих источников по болгарской истории», выпускаемая Болгарской Академией наук, хорошо известна нашему читателю: каждый том ее состоит из фрагментов греческих, преимущественно византийских, авторов с болгарским переводом, кратким реальным комментарием и небольшими вводными заметками, относящимися к данному писателю или произведению. Аннотируемая здесь 1-я часть IX тома коренным образом отличается от всех предшествующих выпусков — она представляет собой монографическое исследование, которое как бы предваряет текст Феофилакта Охридского, предназначенный, видимо, для 2-й части. В какой-то мере подобная особенность, может быть, объясняется важностью Феофилакта для изучения экономики, администрации и культуры Болгарии на рубеже XI—XII вв., но разве другие византийские авторы, как историки, так и эпистографы, не сообщают первостепенные сведения по болгарской истории? Особый характер аннотируемого тома может быть объяснен и низким качеством имеющихся изданий Феофилакта, особенно его писем, но опять-таки мы не располагаем до сих пор критическими изданиями и других авторов, например византийской хронографии X в. — так называемой хроники Симеона Логофета, а критическая публикация писем Николая Мистика появилась совсем недавно, уже после выхода соответствующего тома «Извори». Видимо, сказалось еще одно обстоятельство: в ходе многолетней работы над сводом греческих источников выросли требовательность и зрелость болгарских исследователей, и от полупопулярной хрестоматии, где перевод был главным и подчас единственным новым элементом, они переходят теперь к подготовке критических публикаций текста.

Книга С. Маслева состоит из двух разделов. Во втором из них (с. 88—174) он обосновывает ряд существенных поправок к греческому тексту писем Феофилакта и «Мученичества 15 Тивериопольских мучеников» (краткое перечисление рукописей на с. 12 и сл. не дает представления о рукописной традиции — надо надеяться, что ее характеристика найдет место во второй части тома). Первый раздел (с. 16—87) — опыт датировки писем Феофилакта и определения их адресатов. Несмотря на то что этому вопросу уделяли много внимания крупные византинисты от В. Г. Васильевского до Г. Г. Литаврина, многое еще остается неясным, и Маслев предлагает в ряде случаев новые остроумные атрибуции. Так, в частности, он приходит к выводу, что письма, адресованные «кесарю» и «кесарю Мелисину», на самом деле были направлены Алексею I, поскольку адресат именуется в них деспотом и другими эпитетами, предназначавшимися обычно императору (с. 45—49)¹. Следовало бы, однако, учесть наличие серебряной печати или монетовидной медали Никифора Мелисина, на которой он именуется деспотом, как и адресат Феофилакта². Разумеется, совпадение могло быть и случайным, но игнорировать его

¹ См.: *Maslev St. Les lettres de Theophylacte de Bulgarie à Nicéphore Mélissénos.* — REB, 30, 1972.

² *Waddington W. H. Nicéphore Mélissène, prétendant au trône de Byzance.* — «Revue numismatique», 8, 1963, p. 993. См. о ней: *Ферjanчић Б.* Још једном о почецима титуле деспота. — ЗРВИ, 14—15, 1973.